

Научная статья

УДК 81.33

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-80-99

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЯДРО ВОЕННОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Шермазанова С. В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: Shermazanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.06.2025

После доработки 23.06.2025

Принята к публикации 26.06.2025

Аннотация

Цель. Статья направлена на исследование концептуального ядра военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции (СВО).

Процедуры и методы. В исследовании применены методы анализа концептуальных метафор и критического дискурс-анализа, с использованием корпусного анализа для выявления ключевых концептов, составляющих семантическую основу военного дискурса.

Результаты. Исследование показало, что концептуальное ядро дискурса СВО структурируется вокруг ключевых концептов ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Эти концепты выполняют функции когнитивной регуляции представлений о боевых действиях, позволяя участникам конфликта осмысливать и интерпретировать происходящее в условиях специальной военной операции. Метафорические структуры, такие как «ВОЙНА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО», «ЖИЗНЬ – ТРОФЕЙ» и «СТРАХ – ВНУТРЕННИЙ ВРАГ», играют важную роль в формировании коллективной идентичности и моральной стойкости.

Теоретическая значимость. Статья подчёркивает роль когнитивной лингвистики в анализе военного дискурса, демонстрируя, как через метафорическое осмысление базовых концептов военного дискурса ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА формируется восприятие реальности участниками специальной военной операции. Исследование акцентирует внимание на том, как язык, будучи инструментом концептуализации, отражает взаимодействие между институциональными нормами и личными переживаниями, придавая событиям конфликта определённый смысл и мотивацию.

Ключевые слова: военный дискурс, концептуальное ядро, когнитивная метафора, специальная военная операция

Для цитирования:

Шермазанова С. В. Концептуальное ядро военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 80–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-80-99>

Original research article

CONCEPTUAL CORE OF MILITARY DISCOURSE BASED ON INTERVIEWS WITH PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

S. Shermazanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: Shermazanova@yandex.ru

Received by the editorial office 03.06.2025

Revised by the author 23.06.2025

Accepted for publication 26.06.2025

Abstract

Aim. The article aims to study the conceptual core of military discourse based on interviews with participants of the special military operation.

Methodology. The study employs methods of conceptual metaphor analysis and critical discourse analysis, utilizing corpus analysis to identify key concepts forming the semantic foundation of military discourse.

Results. The research demonstrates that the conceptual core of the special military operation discourse is structured around key concepts such as WAR, LIFE, FEAR, HEROISM, and HOMELAND. These concepts perform cognitive regulatory functions in shaping the participants' perceptions of military actions, allowing them to comprehend and interpret the events of the special military operation. Metaphorical structures such as "WAR is a LIVING BEING", "LIFE is a TROPHY", and "FEAR is an INTERNAL ENEMY" play a crucial role in the formation of collective identity and moral resilience.

Research implications. The article emphasizes the role of cognitive linguistics in the analysis of military discourse, demonstrating how the metaphorical understanding of fundamental concepts such as WAR, LIFE, FEAR, HEROISM, and HOMELAND shapes the perception of reality among participants of the special military operation. The study highlights how language, as a conceptualization tool, reflects the interaction between institutional norms and personal experiences, endowing the events of the conflict with specific meaning and motivation.

Keywords: military discourse, conceptual core, cognitive metaphor, special military operation

For citation:

Shermazanova, S. V. (2025). Conceptual core of military discourse based on interviews with participants of the special military operation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 80–99. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-5-80-99>

Введение

Традиционно военный дискурс представляет собой особую форму институциональной коммуникации, функционирующую в рамках замкнутого социокультурного пространства, регулируемого строго иерархизированной системой норм и ролей. Как разновидность официального дискурса он не только

обслуживает задачи стратегического взаимодействия и управления в рамках военной структуры, но и отражает идеологическую направленность института армии, репрезентируя ценностные установки, такие как патриотизм, коллективизм и лояльность к государству [1; 2]. Исследование военного дискурса позволяет выявить механизмы языковой

репрезентации политической власти, нормативного поведения и институциональной идентичности, а также проследить, каким образом через языковое взаимодействие формируется и поддерживается символический порядок внутри военного сообщества [3; 4].

При этом армия, будучи социальным институтом, задаёт жёсткие рамки когнитивной интеракции между её участниками, формируя особый тип языкового сознания, в котором взаимодействие лингвистического, культурного и ментального уровней обеспечивается с помощью закреплённых в дискурсе сценариев и фреймов. Исследование военного дискурса в когнитивной парадигме позволяет проследить, каким образом через язык осуществляется не только коммуникативная, но и концептуальная организация социальной реальности в условиях институционального контроля [5; 6].

Актуальность исследования военного дискурса определяется его высокой коммуникативной и концептуальной значимостью в условиях современных социокультурных трансформаций и геополитической напряжённости. В периоды политических и военных кризисов, таких как специальная военная операция, наблюдается активная дискурсивная экспансия военной риторики в публичное пространство, сопровождающаяся процессами гибридизации, при которой военный дискурс проникает в другие институциональные сферы – политическую, правовую, образовательную, медийную. Это ведёт к формированию идеологически маркированного единого дискурсивного пространства, способствующего милитаризации коллективного сознания. С позиций когнитивной лингвистики данное явление может быть интерпретировано как активация и распространение специфических ментальных моделей и концептуальных метафор, репрезентирующих образ мира через призму конфликта, угрозы и защиты. Анализ механизмов функционирования и трансформации военного дис-

курса позволяет выявить способы концептуальной репрезентации социальной реальности, а также осмыслить языковые стратегии, способствующие легитимации власти, консолидации общества и перераспределению ценностных приоритетов в условиях институционального дискурса.

Так, актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа процесса формирования концептуальных структур в военном дискурсе участников специальной военной операции, с учётом влияния языковых и когнитивных механизмов на восприятие и интерпретацию боевых действий.

Целью настоящей статьи является выявление и описание концептуального ядра военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции, с опорой на когнитивно-дискурсивный подход. Исследование направлено на установление смысловой структуры и аксиологической направленности ключевых концептов, репрезентирующих восприятие и интерпретацию боевых действий в условиях институционального конфликта.

Исходя из цели в исследовании поставлены нижеследующие задачи:

1. Осуществить лингвистическую интерпретацию интервью участников СВО в рамках когнитивной парадигмы анализа дискурса.

2. Определить фреймовую и метафорическую организацию ключевых концептов, формирующих концептуальное ядро военного дискурса: ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ, РОДИНА, на основе корпусного анализа.

3. Описать когнитивные и прагматические механизмы формирования коллективной идентичности через дискурсивную репрезентацию боевого опыта.

4. Установить функции концептов как регуляторов когнитивного восприятия, ценностных ориентаций и речевых стратегий в условиях специальной военной операции.

Постановка проблемы

Научная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в выявлении и описании концептуального ядра дискурса специальной военной операции как разновидности институционального дискурса, обладающего высокой прагматической и идеологической нагрузкой. Исследование направлено на выявление способов концептуализации социокультурного опыта, лежащих в основе формирования единого милитаризованного дискурсивного пространства участников специальной военной операции.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что военный дискурс отражается в базовых концептах, которые проходят реконцептуализацию в сознании участников боевых действий, что влияет на их восприятие событий и формирование специфических смысловых ориентиров в условиях специальной военной операции.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе когнитивных механизмов, лежащих в основе военного дискурса, что позволяет углубить понимание влияния языка на восприятие и интерпретацию феномена войны участниками специальной военной операции. Это исследование расширяет представление о роли концептуальных метафор в организации сознания военнослужащих. *Практическая значимость* охватывает задачи разработки эффективных стратегий коммуникации в условиях военного конфликта, а также рекомендации по использованию языковых механизмов для укрепления морального духа и формирования патриотической идентичности.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является когнитивный подход, рассматривающий язык как инструмент формирования концептуальной основы военного дискурса.

В исследовании были использованы методы количественного и качественно-

го анализа, когнитивного и критического дискурс-анализа, систематизации и моделирования, позволившие выявить структурно-семантическую организацию ключевых концептов и описать механизмы их взаимодействия в рамках дискурсивного пространства СВО. В исследовании также учитываются современные теории институциональной коммуникации и концептуальной метафоры, позволяющие проанализировать процесс формирования и трансформации когнитивных структур в условиях идеологического давления и милитаризации публичного сознания.

Материалом исследования послужили транскрибированные тексты шести видеопосланий с участниками специальной военной операции, размещённые на платформе YouTube. Расшифровка видеопосланий осуществлялась с использованием автоматизированного сервиса Speech2Text, после чего транскрипты проходили ручную редакторскую доработку для устранения смысловых ошибок и технических погрешностей. Общий объём корпуса составил 54105 слов (322430 знаков). Интервью были отобраны по критерию тематической релевантности: в них респонденты напрямую описывали личный опыт участия в боевых действиях, взаимодействие с сослуживцами, а также выражали отношение к боевым действиям, в которых принимали участие. Хронологически выборка охватывает период с марта 2022 года по декабрь 2023 года.

При этом необходимо отметить потенциальные ограничения исследовательского материала: все интервью опубликованы на официальных или аффилированных с государственными структурами медийных каналах, что допускает возможность предварительной редакторской правки, цензурирования или идеологической фильтрации контента. Данный фактор был учтён при интерпретации данных: анализ фокусировался не на спонтанной устной речи как таковой, а на языковой репрезентации

идеологически значимых концептов в публично допустимом дискурсе, формирующем образ участника СВО в медиапространстве.

Теоретическая основа исследования Теория дискурса в когнитивной парадигме

В когнитивной парадигме дискурс рассматривается как комплексное когнитивно-коммуникативное образование, объединяющее процессы концептуализации, категоризации и интерпретации знаний. А. А. Кибрик подчёркивает, что когнитивный подход рассматривает языковую деятельность как форму когнитивной активности, предполагая, что языковые явления могут быть адекватно интерпретированы лишь в контексте таких ментальных процессов, как память, внимание, представление знаний и сознание [7, с. 5]. Основной задачей когнитивной лингвистики, по его мнению, является установление связи между языковыми структурами и ментальными механизмами их порождения и восприятия. В этом контексте актуализируется развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы, ориентированной на изучение языка как инструмента концептуализации опыта в рамках конкретных коммуникативных ситуаций.

Р. Водак отмечает, что «процессы производства и понимания текста зависят от когнитивных моделей и рамок, существующих в сознании реципиента, которые связаны с социальными стереотипами и предрассудками» [8].

Разрабатывая теорию контекстуальных моделей, Т. ван Дейк рассматривает их как ментальные структуры, обеспечивающие связь между текстом и социальным контекстом, объединяя когнитивные и социолингвистические аспекты в интерпретации дискурса [9]. Контекст рассматривается как субъективный конструкт, формируемый в когнитивной системе каждого индивида [9]. Эти субъективные когнитивные репрезентации

определяют, какие аспекты социального контекста оказываются значимыми для участников коммуникации, и именно они, по мнению исследователя, регулируют процессы порождения и интерпретации дискурса. Как отмечает Э. В. Будаев, «основным выводом из такого подхода является идея о том, что любые социальные ситуации отражаются в дискурсе только после их субъективного когнитивного осмысления участниками коммуникации» [10, с. 128].

В своём определении дискурса Е. С. Кубрякова подчёркивает его динамическую и процессуальную природу, отмечая, что дискурс – это «форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризующего, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [11, с. 18]. В этой связи текст рассматривается не только как источник информации, но и «данных об особых ментальных мирах» [11, с. 20].

Динамическая природа дискурсивной реальности подчёркивается и другими исследователями. В. М. Шевцова определяет дискурс как «одновременно и порождение, и восприятие текста, т. е. текст в его динамике, который оказывает прямое воздействие на мыслительные представления коммуникантов» [12, с. 484]. О. К. Ирисханова акцентирует внимание на том, что дискурсивная деятельность базируется на способности человека реструктурировать ментальные конструкции, создавая новые смысловые структуры. В этом контексте дискурс выступает как инструмент когнитивного конструирования смыслов: «В основе дискурсивной деятельности лежит когнитивная способность человека творчески реструк-

турировать старые и порождать новые ментальные конструкторы» [13, с. 300].

Развивая представления о когнитивной организации дискурса, З. Кёвечес [14] акцентирует внимание на роли концептуальных метафор в когнитивной организации мышления. По его мнению, метафора является фундаментальным механизмом концептуализации, участвующим в формировании когнитивных схем и структурировании дискурса. О. И. Калинин также отмечает воздействующую роль концептуальной метафоры в дискурсивном пространстве [15].

В лингвистической науке неоднократно подчёркивается тесная взаимосвязь между понятиями «концепт» и «дискурс», обусловленная их общей когнитивной природой. Дискурс, как форма речевой деятельности, неразрывно связан с ментальными структурами, лежащими в его основе, поскольку любые речевые акты опосредованы процессами восприятия, концептуализации и вербализации. Как справедливо отмечает М.Н. Федулова, «создание дискурса напрямую связано с концептуальными полями и значениями, из которых говорящему удаётся выткать транслируемые смыслы» [16, с. 50]. Так, дискурс выступает в качестве репрезентативной формы концептосферы индивида или социума, а сами концепты функционируют как базовые смысловые единицы, организующие структуру и содержание высказывания.

В когнитивной лингвистике опорные концепты рассматриваются как ментальные образования, выполняющие функцию смысловых доминант в процессе порождения, восприятия и интерпретации дискурса. Исследователи подчёркивают их ключевую роль в формировании когнитивного пространства дискурса, а также в организации дискурсивной активности, включая структурирование информации и концептуализацию опыта.

Так, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «дискурс, концентрируясь вокруг некоторого опорного концепта, создаёт общий

речемыслеительный контекст» [17, с. 248], тем самым подчёркивая системообразующую роль концепта в когнитивной структуре дискурса. Опорный концепт здесь функционирует как точка когнитивной сборки, вокруг которой организуется смысловое пространство текста и речевой деятельности.

Похожий подход демонстрирует Ж. А. Вардзелашвили, вводя понятие «наиболее осмысленных языковым сообществом концептов», или «опорных концептов», к которым «притягиваются все новые и новые концепты, каждый из которых может иметь как ряд, подпадающий вербализации, так и ряд, не материализующийся, но остающийся лишь прочувствованным и осознанным фактом» [18]. Данная мысль соотносится с положениями теории концептуальной интеграции и интуитивного когнитивного фона, предполагающего существование как эксплицитных, так и имплицитных смысловых компонентов.

В рамках дискурсивного анализа В. З. Демьянков указывает, что содержание дискурса «часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого „опорного“ концепта, называемого топиком дискурса, или дискурсивным топиком» [19, с. 31]. Здесь опорный концепт коррелирует с понятием топика как семантического центра, обеспечивающего когерентность и тематическую целостность дискурсивного фрейма.

Таким образом, в рамках когнитивной лингвистики опорные концепты функционируют как ключевые узлы в ментальной и дискурсивной архитектуре языка, задавая траекторию концептуализации, обеспечивая семантическую целостность текста и способствуя формированию когнитивной модели мира.

Структурные характеристики военного дискурса

Военный дискурс представляет собой динамичную и строго регламентированную систему статусно-ролевых взаимо-

отношений, функционирующую в рамках коммуникативного пространства института вооружённых сил и других силовых структур. Эта система обслуживает ключевые задачи военного института: управление, координацию, информационный обмен, поддержание дисциплины и мобилизацию участников военной сферы жизни общества. Его институциональная природа предопределяет специфику речевого взаимодействия, в котором доминируют иерархия, субординация и функциональная направленность коммуникации.

В современном языкознании военный дискурс описывается как «гибридное и полистилевое явление, находящее проявление в текстах различных жанров» [20, с. 17], что подтверждает мысль о возможности рассмотрения интервью участников боевых действий как разновидности военного дискурса. С точки зрения аксиологии военно-политическая среда изучается «в коммуникативной ситуации как формирующая специфику проявления ценностей в рамках определённой культуры и развитие системы индивидуальной оценки участников общения противоположными прагматическими векторами» [21, с. 43].

Кроме того, отмечается, что в условиях проведения специальной военной операции через дискурсивные практики конструируется национальная и профессионально обусловленная идентичность [22, с. 82], а условия проведения специальной военной операции оказывают влияние на «формирование особой языковой личности, существующей в военно-профессиональной среде» [23, с. 61]

В целях систематизации теоретических представлений о военном дискурсе можно выделить нижеследующие существенные характеристики военного дискурса.

1. Директивность.

Военный дискурс в значительной степени ориентирован на реализацию

директивных речевых актов, таких как приказы, распоряжения, указания, команды. Директивность обусловлена необходимостью чёткого и безусловного исполнения инструкций в условиях ограниченного времени и повышенной ответственности. В контексте СВО директивная коммуникация усиливается: она становится инструментом оперативного управления действиями войск, а также способом формулирования военно-политических задач в публичной сфере (например, через обращения высших должностных лиц).

2. Стандартизированность.

Коммуникативные практики в военной сфере подчинены жёсткой стандартизации. Это проявляется в использовании типовых формулировок, унифицированных текстовых структур, устоявшихся жанров (приказ, доклад, рапорт, инструкция). Такая стандартизированность позволяет избежать неоднозначной интерпретации и обеспечивает быстроту обработки информации. В условиях СВО стандартизация дискурса сохраняется как в официальных текстах, так и в медийной репрезентации, где важна единая линия подачи информации и концептуальная целостность образа операции.

3. Регламентированность.

Военный дискурс реализуется в соответствии с регламентами и нормативными актами, определяющими допустимые формы, жанры и лексико-грамматические конструкции. Регламентированность распространяется не только на внутренние документы, но и на внешнюю коммуникацию (например, пресс-релизы, обращения, брифинги). В рамках СВО это особенно проявляется в официальной риторике, которая строго контролируется и направлена на легитимацию действий армии и государства в условиях конфликта.

4. Имплицитность.

Одной из ключевых характеристик военного дискурса является имплицит-

ность, то есть склонность к завуалированному или неполному представлению информации. Это связано с необходимостью соблюдения режима секретности, ограничения доступа к оперативным данным и обеспечения безопасности. В дискурсе СВО имплицитность выражается через использование эвфемизмов, общих формулировок, условных обозначений и терминов, доступных для понимания лишь узкому кругу специалистов.

5. Историческая изменчивость.

Военный дискурс подвержен изменениям под воздействием социополитических условий, военных доктрин и технологических изменений. Его жанровая структура, тематика и языковые особенности трансформируются в зависимости от характера конфликтов, типов вооружённых сил и медиасреды. В условиях СВО наблюдается усиление идеологизации дискурса, интеграция элементов патриотического, военно-политического и информационного дискурсов, что отражает современные задачи армии – не только оборонные, но и символически-коммуникативные.

6. Жанровое разнообразие.

Военный дискурс реализуется через широкий спектр жанров – от строго институциональных (приказов, сводок, уставов) до публичных (военные обращения, интервью, фронтовые репортажи) и даже художественно-документальных (военные мемуары, нарративы участников боевых действий). Особенно актуальны в контексте СВО интервью участников и командования, где формируется особая языковая картина мира: с одной стороны – официальная, с другой – личная, наполненная эмоционально окрашенными метафорами, символами и оценочными суждениями.

7. Специфические дискурсивные стратегии.

Коммуникативное поведение в военном дискурсе реализуется через стратегически выстроенные последовательности речевых актов. К основным стратегиям

относятся: директивность (приказ, указание), координация (доклады, инструкции), мобилизация (патриотические обращения), защита информации (умолчание, эвфемизация), интерпретация (формирование образа «врага» и «героя»). В СВО особенно заметна стратегия мобилизации – как в текстах командования, так и в высказываниях рядовых военнослужащих, формирующих коллективный образ миссии и справедливости происходящего.

8. Специальные прецедентные тексты.

Военный дискурс опирается на корпус прецедентных текстов – нормативных, уставных, стратегических и символических. В них закреплены базовые нормы, идеалы, модели поведения и стратегии интерпретации действительности. В условиях СВО активно используются тексты, формирующие мифологему героизма, преемственности военной доблести, исторической миссии, что особенно заметно в медиарепрезентации (официальные ролики, обращения, публикации о «героях СВО» и т. п.).

Таким образом, военный дискурс как разновидность институционального обладает чётко выраженной структурной и функциональной спецификой, обеспечивающей не только коммуникацию в военной сфере, но и воспроизводство идеологии, профессиональной идентичности и образа армии в массовом сознании.

Дискурс специальной военной операции

В настоящее время дискурс СВО исследуется преимущественно с дескриптивной точки зрения, где основным исследовательским акцентом становится репрезентация СВО в дискурсивном пространстве разных стран. Например, И. В. Бритов рассматривает репрезентацию конфликта в вьетнамском медиапространстве [24], а О. И. Калинин – в китайских социальных сетях [25].

С позиций когнитивной лингвистики дискурс специальной военной операции

представляет собой механизм концептуального моделирования реальности боевого конфликта. Вербализованный в текстах интервью участников конфликта, он формирует специфическое мировоззрение, основанное на ключевых концептах, которые структурируют ментальные репрезентации участников и задают устойчивые схемы интерпретации происходящего.

Интервью участников специальной военной операции представляют собой особую разновидность военного дискурса, находящуюся на стыке формальной и неформальной, институциональной и индивидуальной коммуникации. Эти тексты занимают промежуточное положение между официальным сообщением и личным высказыванием, объединяя черты статусно-ролевого институционального взаимодействия и элементов личностного опыта. В интервью актуализируется особый тип нарратива, отражающий когнитивные, идеологические и эмоциональные аспекты восприятия конфликта непосредственными участниками.

Несмотря на внешне «личный» характер, интервью военнослужащих СВО создаются и функционируют в рамках институционального пространства, контролируемого армией или медийными структурами, сотрудничающими с государством. Эти тексты вписываются в стратегию информационно-психологического сопровождения военных действий и служат средством легитимации СВО в глазах общественности. В них актуализируется официальная позиция, но через призму личного рассказа, что позволяет создать эффект подлинности, доверия и вовлечённости.

Интервью выполняют одновременно несколько функций:

1) информационную: они знакомят аудиторию с условиями и реальностью конфликта;

2) идеологическую: закрепляют официальную позицию и формируют патристическую установку;

3) психологическую: служат способом внутренней рационализации происходящего, снятия тревоги и осмысления личного опыта;

4) мобилизационную: вдохновляют, вызывают сочувствие, укрепляют боевой дух и гражданскую солидарность.

Таким образом, интервью участников СВО представляют собой гибридный подтип военного дискурса, в котором соединяются институциональные задачи (информационные, идеологические, мобилизационные) и личный нарратив, придающий текстам аутентичность. Они играют ключевую роль в формировании коллективной когнитивной картины конфликта, встраиваются в медийную стратегию государства и способствуют конструированию новой мифологии войны.

Являясь частью институциональной коммуникации, тексты интервью демонстрируют не только выполнение коммуникативных задач армии (управление, отчётность, координация), но и функционируют как пространство индивидуального осмысления боевых действий. В них формируются и актуализируются устойчивые концептуальные структуры, позволяющие военнослужащим структурировать пережитый опыт, выразить эмоциональные состояния и наделить события личностным смыслом.

Результаты исследования

Дискурс СВО активизирует культурно и социально обусловленные фреймы, вовлекает концептуальные метафоры и отражает субъективное восприятие мира, в котором военные действия осмысляются как необходимое и оправданное действие. Он формирует когнитивную картину мира, характерную для условий вооружённого конфликта, и влияет на способы осмысления реальности как у непосредственных участников, так и у широкой аудитории. Интервью строятся по определённым дискурсивным моделям, включающим описание военных действий, пережитого опыта, взаимо-

действия с товарищами, размышления о долге, Родине и противнике. Типичными являются нарративы героизации, самоотверженности, духовного преображения, а также противопоставления «мы – они», где происходит чёткое разделение на своих и чужих. Это поддерживается лексикой, связанной с моральными ценностями, идентичностью и сакрализированным представлением о миссии.

Особенно значимыми и частотными в дискурсивной репрезентации в когнитивной структуре этих текстов оказываются концепты ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Ключевой характер именно этих концептов в дискурсивном пространстве исследованных текстов определяется не только содержательной насыщенностью, но и высокой частотностью лексем-репрезентантов, что подтверждается результатами корпусного анализа, представленного в табл. 1.

Общий анализ частотности ключевых концептов в корпусе интервью участников специальной военной операции позволяет выявить концептуальное ядро военного дискурса, отражающее доминирующие когнитивные и аксиологические ориентиры, структурирующие восприятие боевого опыта. Концепты ВОЙНА,

ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА не только репрезентируют базовые реалии и ценности военной службы, но и выполняют важнейшие когнитивно-регулятивные функции: обеспечивают осмысление происходящего, поддерживают моральную устойчивость, объясняют боевые действия и формируют коллективную идентичность. Их частотность и разнообразие лексической репрезентации свидетельствуют о том, что они являются центральными элементами смыслового пространства дискурса СВО и служат опорными точками концептуализации реальности в условиях вооружённого конфликта.

1. Концепт ВОЙНА формирует фреймовую основу всей коммуникации в рамках СВО. Он репрезентируется через лексемы «война», «бой», «враг», «фронт», «обстрел», «штурм» и так далее. Суммарная частотность лексем, репрезентирующих концепт «война», составляет почти 800 вхождений. Эти единицы отражают ключевые аспекты военного опыта: конфронтацию, территориальную принадлежность, вооружённое взаимодействие. Фреймовая структура концепта включает сценарии нападения, защиты, продвижения, а также временные и простран-

Таблица 1 / Table 1

Количественные показатели репрезентации ключевых концептов в корпусе интервью участников СВО / Quantitative indicators of the representation of key concepts in the corpus of interviews with participants of special military operation

Концепт	Лексемы-репрезентанты	Общая частотность в корпусе	Частотность на 1000 знаков
ВОЙНА	война, бой, враг, фронт, обстрел, штурм, атака, противник, бойня, битва, убой, сражение, воевать, сражаться	787	14,54
ЖИЗНЬ	жизнь, живой, выжить, спастись, спасение, дыхание, дышать, существовать	434	8,02
СТРАХ	страх, бояться, паника, опасность, тревога, дрожь, ужас, боязнь	358	6,61
ГЕРОИЗМ	герой, подвиг, мужество, стойкость, самоотверженность, отвага, честь, доблесть	284	5,24
РОДИНА	родина, присяга, флаг, Россия, Отечество, народ, страна, государство	392	7,24

ственные рамки боевых действий («в том бою», «на передке», «в атаке»). Концепт ВОЙНА структурирует восприятие конфликта как объективной реальности, в которой действия участника обусловлены внешними обстоятельствами, приказами, долгом.

Прежде всего, концепт ВОЙНА презентуется через фрейм выживания, в который включаются значения физической и экзистенциальной угрозы для страны и её граждан. Так, боец с позывным Барвар многократно подчёркивает: «эта война идёт за наше выживание, за выживание нашей страны, за выживание нашей Родины»¹. Здесь «война» становится не просто военным действием, а борьбой за существование, за базовые условия сохранения нации как когнитивного и культурного сообщества. Таким образом, активируется онтологическая метафора ВОЙНА – ЭТО ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, в рамках которой поражение отождествляется с утратой бытия, а победа – с продолжением жизни.

В интервью участников СВО прослеживается устойчивое метафорическое моделирование военной реальности, в рамках которого концепт «война» приобретает признаки живого, действующего субъекта. Высказывания типа «война-то идёт сейчас», «у нас реальная война» представляют языковую метафору, где война персонифицируется, действует, движется, «идёт», – таким образом формируется концептуальная метафора: ВОЙНА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО / НЕ-ИЗБЕЖНЫЙ ПРОЦЕСС, встроенный в повседневность. Это отражает восприятие конфликта как неотъемлемой части реальности, требующей включённости, а не дистанцированного осмысления.

Семантическое наполнение концепта ВОЙНА в интервью участников СВО

характеризуется реализмом и прагматизмом, война представляется не как абстрактное понятие, а как конкретная ситуация, в которой приходится действовать, выживать, выполнять приказы. Часто встречаются метафоры ВОЙНА – это РАБОТА, ВОЙНА – это ДОРОГА, что указывает на концептуализацию военных действий как повседневной, но чрезвычайно напряжённой деятельности.

Дополнительное когнитивное изменение формируется через исторический фрейм, в котором война рассматривается как повторение или продолжение исторических сценариев. В высказывании «Финляндия... с нами уже воевала», а также через отсылки к распаду СССР и расширению НАТО, активируются механизмы исторической аналогии, создающие ощущение закономерности происходящего. Это соотносится с концептом когнитивной преемственности – представлением о том, что настоящее конфликтное состояние логически продолжает прошлые конфликты.

В частотной фразе, которая встретилась в каждом интервью, «враг будет разбит, победа будет за нами» отсылает к идеологизированной модели войны как соревнования или ритуала с чётким исходом. Формируется концептуальная метафора: ВОЙНА – МИССИЯ, которую нужно и можно завершить победой. Таким образом, конструируется упорядоченная, мотивирующая ментальная модель конфликта.

2. Концепт ЖИЗНЬ соотносится с представлениями о выживании, телесной сохранности и непрерывности существования. Формируется через дихотомию жизнь / смерть и связан с оценкой риска, ценности каждого дня на войне. Часто данный концепт противопоставляется смерти, как реальной, так и потенциальной угрозе: «чудом остался жив», «был на грани». Типичные лексемы: «жизнь», «живой», «выжить» и так далее. Частота лексем концепта – более 430 вхождений.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО // МИРОСЛАВ СМЕРНОВ : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ntua2TAjMP0> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

В дискурсе участников СВО концепт «жизнь» приобретает особую ценностную и прагматическую окраску, формируясь на пересечении физиологического выживания, морального выбора и служения. Анализ демонстрирует, что «жизнь» в условиях СВО – это хрупкий, постоянно ставящийся под угрозу ресурс. Её сохранение осмысливается как цель, достижение которой требует мужества, осторожности, сплочённости. Жизнь также фигурирует как ценность, имеющая не только биологическое, но и моральное измерение: «жить ради Родины», «жизнь – ради других». В дискурсе участников СВО концепт «жизнь» структурируется как ценность, постоянно находящаяся под угрозой, и осмысливается через ряд устойчивых концептуальных метафор. В предложении «Спасается жизнь ребят, выполняются эффективно боевые задачи без потерь»¹ жизнь репрезентируется как ресурс, который необходимо сохранить ради выполнения функциональных задач. Здесь формируется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – ЦЕННОСТЬ, а само существование воспринимается как ограниченный и стратегически важный элемент внутри институциональной системы.

Метафорически жизнь предстаёт также как долг или вклад, что проявляется в предложении «мы взяли ответственность, мы дали вот всё, что мы можем отдать сейчас»². Здесь используется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – СЛУЖЕНИЕ / ДОЛГ, а само существование воспринимается как нечто, чем человек распоряжается в пользу других – товарищей, Родины, боевой задачи.

При помощи противопоставления активных участников конфликта и пассивных наблюдателей выстраивается экзистенциальная дихотомия, в которой жизнь осмысливается не как простое физическое существование, а как вовлечён-

ность, действие, выбор. Фраза «они думают, что могут отсидеться дома ..., никто их не просит заходить в окопы, но они должны ... верить в свою страну ... сделать всё, что могут»³ иллюстрирует эту установку: здесь жизнь определяется через категорию участия в общем деле, солидарности и готовности к ответственности. В этом контексте активируется онтологическая метафора ЖИЗНЬ – ЭТО СЛУЖЕНИЕ / ДОЛГ, в рамках которой истинная, осмысленная жизнь противопоставляется пассивному, отстранённому существованию. Таким образом, когнитивное содержание концепта «жизнь» расширяется за пределы биологического и включает в себя моральное, социальное и гражданское измерения.

В другом примере – «Все в первую очередь хотят спасти свою жизнь, а не вытаскивать патроны и умереть»⁴ – жизнь приобретает более утилитарный и прагматичный оттенок, противопоставляясь смерти как негативному исходу. Она представляется как добыча, которую нужно «вырвать» у обстоятельств, сохранить любой ценой. Здесь актуализируется концептуальная метафора: ЖИЗНЬ – ТРОФЕЙ, что отражает боевое состояние сознания, где каждый день существования – результат борьбы и индивидуального выбора.

Наконец, в высказывании «Смерть, прям, ты чувствуешь, что она в затылок тебе дышит»⁵ возникает сильная образность: смерть персонифицируется, визуализируется как физическое, дышащее существо, преследующее бойца. Это метафорическое выражение формирует

³ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

⁴ Зачем тебе 7 миллионов, если ты мертвый: ЧЕСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ КОНТРАКТНИКА // РОМБ: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gTREFrZS5cA> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ // СЛИВА: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JckEl6zHnz&t=51s> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

концептуальную метафору СМЕРТЬ – ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ, подчёркивая постоянное ощущение её близости и усиливая восприятие жизни как хрупкого и непрерывно угрожаемого состояния.

Таким образом, в когнитивной структуре дискурса СВО жизнь предстаёт как одновременно стратегический ресурс, объект охраны и символическая награда, в то время как смерть – это активный акт, угрожающий, наступающий и заставляющий бойца мобилизовать усилия на выживание. Эти метафоры служат инструментами когнитивной организации боевого опыта, задают эмоциональные и поведенческие ориентиры, а также структурируют образ мира в условиях военного конфликта.

3. Концепт СТРАХ отражает эмоционально-когнитивное состояние, которое является неотъемлемой частью боевого опыта, он отражает эмоциональное напряжение и внутренние состояния участников боевых действий. Данный концепт представлен лексемами «страх», «бояться», «паника», «опасность», «тревога» и др. с общей частотностью свыше 350 вхождений в корпус.

Несмотря на институциональную традицию умалчивания страха в рамках военного дискурса, нарратив страха всё же прорывается в повествованиях как важный когнитивный элемент переживания боевого опыта. Однако в интервью он чаще всего репрезентируется имплицитно. Прямое упоминание страха нередко сопровождается его рационализацией или нейтрализацией: «было страшно, но действовали по инструкции».

Имплицитность концепта связана с дискурсивными нормами мужества и стойкости, принятыми в военной среде. Страх описывается как временное, преодолимое состояние, с которым нужно справиться. Концепт «страх» связан с когнитивными сценариями самоконтроля и дисциплины.

В дискурсе участников СВО страх представлен как неотъемлемый компо-

нент боевого опыта, эмоционально насыщенный и когнитивно интегрированный в восприятие военной реальности. Высказывание «Страх – это нормально. Это война. И война довольно-таки... страшно»¹ демонстрирует признание страха как неизбежного, нормативного явления в условиях боевых действий. Здесь формируется концептуальная метафора: СТРАХ – ЕСТЕСТВЕННЫЙ СПУТНИК ЖИЗНИ, подчёркивающая, что страх – не аномалия, а закономерная реакция на экстремальные обстоятельства. Языковая структура этой фразы объединяет личное признание с объективным знанием, страх становится частью онтологической картины войны.

В другом примере – «Страх – это... Не боится только долб**б». Я так скажу»² – страх не только нормализуется, но и противопоставляется безрассудству. Здесь присутствует элемент социокультурного кода, в рамках которого признание страха является показателем адекватности, зрелости и инстинкта самосохранения. Страх в военной среде становится признаком разумного поведения, а не слабости.

Фраза «Очень страх развивался» отражает процессуальность переживания, страх не статичен, он «развивается», «нарастает», что указывает на его динамическую природу в восприятии бойцов. Здесь метафора работает в сторону СТРАХ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО / ПРОЦЕСС, подчёркивая его изменение и влияние во времени.

Высказывание «Появлялся у него страх в глазах, в принципе, я видел» также акцентирует визуальное восприятие страха – как феномена, который можно «увидеть» и распознать. Страх репрезен-

¹ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО // СВОи : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nE6Wbxjqd5c> (дата обращения: 20.05.2025). Далее: ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

² Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

тируется через мимику, взгляд, что делает его частью телесной, невербальной коммуникации. Это усиливает идею страха как всепроникающей эмоции, выходящей за пределы внутреннего ощущения.

Наконец, фраза «Были моменты, конечно, но весь этот свой страх я перебарывал перед выходами на штурм»¹ описывает стратегию управления страхом. Здесь страх осмысливается как преодолимое препятствие, как то, с чем необходимо «справиться», чтобы продолжать выполнять задачи. Это соответствует концептуальной метафоре: СТРАХ – ПРЕГРАДА НА ПУТИ, а также – СТРАХ – ВНУТРЕННИЙ ВРАГ.

При этом концепт СТРАХ выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он обозначает естественную эмоциональную реакцию на угрозу, с другой – становится маркером пассивности, отстранённости и внутреннего бегства от реальности. Фраза «многие боятся, многие пытаются закрывать глаза на всё происходящее», противопоставляет таких людей тем, кто действует, служит, принимает участие в боевых действиях. Таким образом, страх концептуализируется как психологическая граница, отделяющая включённого гражданина от равнодушного наблюдателя.

Так, в концептуальной картине мира участников СВО страх выполняет одновременно объяснительную, регулирующую и мобилизующую функцию. Он признаётся, обрабатывается и рационализируется, но никогда не отрицается – напротив, включается в структуру поведения, определяя границы риска и формируя представления о мужестве, ответственности и выживании.

4. Концепт ГЕРОИЗМ является одним из идеологически нагруженных концептов, активно транслируемыми как армей-

ской субкультурой, так и официальным дискурсом. Этот концепт в интервью выражает коллективное и индивидуальное переживание боевой доблести. Концепт структурирует образ «правильного солдата» и служит механизмом осмысления потерь, страданий, самопожертвования. Лексемы-репрезентанты: «герой», «подвиг», «мужество», «стойкость», «самоотверженность» и др. Общая частотность – более 280 вхождений.

Часто героизм связывается с альтруизмом, готовностью к самопожертвованию: «прикрыл товарища», «вынес раненого». Когнитивно понятийное содержание концепта строится вокруг метафоры ГЕРОЙ – это ОПОРА, фигура, удерживающая порядок, вмешивающаяся в критический момент. В ряде интервью прослеживается трансформация обыденного человека в героя через экстремальную ситуацию, что подтверждает когнитивный сценарий подвига: «испытание – преодоление – признание».

В дискурсе участников СВО героизм формируется как ключевой концепт, глубоко укоренённый в ценностной и моральной системе военного сознания. Он метафорически осмысливается через категории ответственности, жертвы и внутренней силы, задавая специфические сценарии самоидентификации военнослужащего.

Ярко прослеживается фрейм героизма как действия вопреки страху, а не в отсутствии страха: «мы не просим сверхъестественного... но мы делаем свою работу»². Это формирует когнитивную модель, в которой герой – это не безупречный, неуязвимый субъект, а человек, преодолевающий себя ради большего. Здесь задействуется метафора ГЕРОЙ – ЭТО ЩИТ / СТЕНА, за которым стоит Родина, народ, семья, история. Он держит удар, в буквальном и метафорическом смысле, принимая на себя риски и страдания.

¹ Интервью с бойцом СВО: Путь в ЧВК Вагнер и реалии Бахмутской мясорубки // ПОПТЕНИМ: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQj2XPQlAcK> (дата обращения: 20.05.2025).

² Варвар – интервью с бойцом из зоны.

В высказывании «мы ничего сверхъестественного не просим, мы взяли ответственность за свою родину»¹ героизм репрезентируется как деятельное и осознанное принятие долга, что формирует концептуальную метафору ГЕРОИЗМ – ДОБРОВОЛЬНОЕ БРЕМЯ. Здесь важен не подвиг как акт, а внутренняя готовность нести ответственность, даже без признания или вознаграждения. Метафорическая рамка делает подвиг обыденным, встроенным в норму поведения бойца.

Это подтверждается также примером «Подвиг, но я-то расценю как просто свою работу»², который демонстрирует повседневную нормализацию героического поведения, где высокоценностное действие интерпретируется как рабочая обязанность. Это создаёт контраст между внутренним восприятием поступка и его внешней символической нагрузкой – герой, как правило, не считает себя героем, что укрепляет его образ в коллективной картине мира.

В другой цитате – «Вот подвиг в их крови – нет, не то, что это осознанно, а просто»³ – героизм описывается как врождённое, почти инстинктивное поведение, встроенное в идентичность. Это поддерживает концептуальную метафору: ПОДВИГ – ЕСТЕСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО СОЛДАТА.

Фраза «всё, что мы можем отдать, мы отдали»⁴ символизирует абсолютную самоотдачу, в которой герой жертвует не только силами, но и, потенциально, жизнью. Здесь актуализируется концептуальная метафора: ГЕРОЙ – ТОТ, КТО ЖЕРТВУЕТ ВСЕМ, а подвиг – высшая форма альтруизма и верности. В примере «Это реально мужество, характер. Он не

сдался»⁵ героизм репрезентируется как стойкость и верность в предельной ситуации, где победа заключается не только в действии, но и в сопротивлении. Героизм здесь – процесс преодоления, а не однократное действие.

Дополнительное осмысление концепта осуществляется через оппозицию «герой – предатель». Например, когда спикер говорит: «они уехали ... отказались от предков ... предали Родину»⁶, – он противопоставляет этих людей бойцам, которые, по его словам, «взяли ответственность» и «выполняют боевые задачи». Таким образом, героизм = верность, предательство = отказ от корней и идентичности. Здесь героизм интерпретируется как форма исторической преемственности и уважения к поколенческой памяти: быть героем – значит продолжать дело предков, защищать их землю, стоять за их ценности.

Таким образом, в когнитивной структуре дискурса СВО героизм репрезентируется через метафоры долга, жертвы, труда и внутренней силы. Он лишён пафоса, но наполнен глубокой этической нагрузкой, отражая как институциональные установки, так и личностную интерпретацию экстремального опыта.

5. Концепт РОДИНА является центром патриотического дискурса, определяющим мотивацию участия в СВО, это один из наиболее аксиологически нагруженных концептов военного дискурса, который наполняется сакральным, патриотическим и потому очень эмоциональным содержанием. Репрезентируется лексемами «родина», «присяга», «флаг», «Россия», «Отечество». Частотность употреблений в корпусе – около 390 раз.

Концепт РОДИНА в текстах интервью участников СВО сакрализуется, стано-

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

³ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

⁴ Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой/ИНТЕРВЬЮ.

⁵ ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЗА "ЛЕНТОЙ" – РАЗДОЛБАЙСТВО.

⁶ Боец СВО: интервью штурмовика о реалиях на фронте // Клизма Ценизма: YouTube-канал.. URL: <https://clck.ru/3RHBAZ> (дата обращения: 20.05.2025).

вится символом высшей цели, оправдывающей страдания и риск, и тем самым легитимирует боевые действия. Часто в текстах звучат формулы «за Родину», «во имя России», «служу Отечеству», которые выполняют и ритуально-мобилизующую функцию.

В дискурсе участников СВО концепт РОДИНА выступает как центральный аксиологический ориентир, структурирующий мотивацию, идентичность и эмоциональную привязанность военнослужащих. Он репрезентируется через метафоры, отражающие как сакрализированный, так и прагматический облик Родины.

Особую роль играет морально-оценочный фрейм, в котором война осмысливается как форма национальной и личной ответственности за Родину. Спикер говорит: «мы взяли ответственность за свою Родину, мы дали всё, что можем»; «каждый должен сделать свою работу»¹. Таким образом, война интерпретируется как моральный императив, как действие, имеющее этическое измерение. Это подкрепляется установкой на единство народа и армии: «мне хочется ощутить, что за моей спиной стоит мой народ»².

Высказывание «за моей спиной стоит моя Родина» иллюстрирует языковую метафору, в которой Родина предстаёт как физически ощутимая опора, стоящая позади бойца. Такая образность формирует концептуальную метафору: РОДИНА – ОПОРА. Родина мыслится не как абстрактная идея, а как мощный источник поддержки и моральной устойчивости, позволяющий бойцу действовать с уверенностью в правоте своей позиции. Метафора РОДИНА – ОПОРА репрезентирует Родину как телесно и эмоционально ощутимое присутствие, нуждающееся в защите. Через онтологизацию абстрактного понятия активируется фрейм защитника и опоры, в котором Родина вос-

принимается как субъект, стоящий «за спиной» солдата – как мать, тыл, коллективное тело нации. Это усиливает ощущение сопричастности, ответственности и морального долга, связывая личный выбор с идеей служения живому целому, обеспечивая когнитивную легитимацию боевых действий.

Фраза «они свою родину, они свои корни продали»³ репрезентирует Родину как неотъемлемую часть личной и коллективной идентичности – наследие, которое можно сохранить или предать. Здесь актуализируется концептуальная метафора: РОДИНА – ЦЕННОСТЬ / НАСЛЕДИЕ, соотносимая с моральной категорией «верности». Употребление слова «продали» усиливает восприятие Родины как этически значимого дара, а предательство («продажа») Родины – как глубоко аморальный поступок.

Так, Родина в дискурсе СВО – это не только геополитическая единица, но и эмоциональный, нравственный и идеологический концепт, репрезентируемый через метафоры опоры, наследия, поддержки и ценности. Эти метафоры закрепляют образ Родины как основания субъективной стойкости, мотивации к действию и моральной правоты участия в боевых действиях.

Заключение

Концептуальное ядро дискурса специальной военной операции представляет собой когнитивно организованную систему сценариев, фреймов и метафор, структурирующих сознание, социальное поведение и коммуникативные особенности участников СВО. Анализ интервью показывает, что ключевыми концептами, формирующими концептуальное поле дискурса СВО, являются ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА. Каждый из них выполняет когнитивно-регулятивную функцию.

¹ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

² Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

³ Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО.

Концепт ВОЙНА задаёт основную онтологию происходящего, конструируется как живое существо, неизбежная реальность, в которой человек действует по приказу, в условиях угрозы и напряжённой необходимости выживания.

Концепт ЖИЗНЬ репрезентируется как ценность, ресурс и жертва, противопоставляется смерти и осмысливается через метафоры служения, долга и выживания.

Концепт СТРАХ признаётся нормой, но подлежит контролю и преодолению; он включён в военную идентичность как эмоционально необходимое, но функционально ограниченное состояние.

Концепт ГЕРОИЗМ легитимизирует страдание и жертвы, представляется как внутренняя готовность к смерти и моральное превосходство, часто не осознаваемое самими участниками.

Концепт РОДИНА сакрализуется, становится мотивом и оправданием участия в боевых действиях, проявляется в

образах опоры, высшей цели и морального наследия.

Так, концептуальное ядро не только определяют тематическое и аксиологическое содержание дискурса СВО, но и задаёт структуру интерпретации действительности для самих участников конфликта. Оно служит когнитивной основой, позволяющей военнослужащим придавать происходящему смысл, выдерживать экстремальные условия и формировать устойчивую идеологическую идентичность. Метафорическая репрезентация концептов усиливает их эмоциональное содержание и способствует закреплению доминирующих смыслов в коллективном сознании.

Таким образом, концептуальное ядро дискурса СВО обеспечивает концептуальную стабильность публичной коммуникации в военной сфере, соединяя институциональную норму и личностное переживание в едином дискурсивном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишкурлов Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
2. Наумова К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 233 с.
3. Федотов И. И. Военно-политический дискурс как форма воплощения устных и письменных речевых произведений // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 111–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118.
4. Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 116–119. DOI: 10.26170/pl18-06-16.
5. Ткачева Ю. Г., Черенков В. А. Когнитивные особенности военного дискурса: в аспекте эквивалентного перевода // Исследования и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сборник статей XXIV всероссийской (национальной) научной конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2024 г.). СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. С. 18–22.
6. Калинин О. И. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: коллективная монография. М.: ООО «ФЛИНТА», 2024. С. 57–61.
7. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.
8. Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // Discourse Studies. 2006. Vol. 8. Iss. 1. P. 179–190. DOI: 10.1177/1461445606059566.
9. Van Dijk T. A. Discourse and context. A sociocognitive approach. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 287 p.
10. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2011. 360 с.

11. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.
12. Шевцова В. М. Дискурс как объект исследования в прагматике // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015). М.: МГИМО МИД РФ, 2015. С. 482–486.
13. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 332 с.
14. Kövecses Z. Metaphor in media language and cognition: A perspective from conceptual metaphor theory // *Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow*. 2018. Vol. III. No. 1. P. 124–141. DOI: 10.2478/lart-2018-0004.
15. Калинин О. И. Метафорическое речевое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 4. С. 70–84. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84.
16. Федулова М. Н. Категории дискурса и концепта в контексте проблематики восприятия, понимания и интерпретации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 2. С. 50–56. DOI: 10.14529/ling170207.
17. Алефиренко Н. Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
18. Вардзелашвили Ж. А. Языковая репрезентация когнитивных моделей (наномасштабный аспект) // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам: сборник научных статей Международной конференции МАПРЯЛ (г. Тбилиси). Т. I. СПб.: МАПРЯЛ, 2005. С. 113–120.
19. Тетради новых терминов. № 39: Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / сост. В. З. Демьянков. М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. 287 с.
20. Епифанова Т. В. Об интертекстуальности современного военного дискурса // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2024. № 4 (121). С. 17–23.
21. Саниева А. Ю., Сидорова Н. А. Исследование конфликтного военно-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53.
22. Кривов С. В. Дискурсы идентичности в условиях специальной военной операции: к постановке проблемы // Механизмы укрепления этнокультурной и гражданской идентичности многонационального народа Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Карачаевск, 12–13 сентября 2024 г.). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2024. С. 81–87.
23. Дурмаз Н. О. Языковая личность профессиональной среды на примере военного дискурса // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны им. маршала Советского Союза Л. А. Говорова. 2024. № 5 (29). С. 57–62.
24. Бритов И. В. Специальная военная операция России на Украине: позиция Вьетнама // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 65–79. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.04.
25. Калинин О. И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 6. С. 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392.

REFERENCES

1. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, translation. In: *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2, 88–105 (in Russ.).
2. Naumova, K. A. (2022). *Specificity of hybrid types of discourse (on the example of military-political and military-journalistic discourses)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
3. Fedotov, I. I. (2023). Military-political discourse as a form of embodiment of oral and written speech works. In: *The Humanities and Social Sciences*, 97 (2), 111–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-111-118 (in Russ.).

4. Shashok, L. A. (2018). Peculiarities of military discourse (on the basis of linguistic research done by Russian scholars). In: *Political Linguistics*, 6 (72), 116–119. DOI: 10.26170/pl18-06-16 (in Russ.).
5. Tkacheva, Ju. G. & Cherenkov, V. A. (2024). Cognitive features of military discourse: in the aspect of equivalent translation. In: *Research and practice in the socio-economic and humanitarian spheres: a collection of articles from the XXIV All-Russian (National) Scientific Conference (St. Petersburg, March 11, 2024)*. St. Petersburg: National Humanitarian Research Institute "NATSRZAVITIE" publ., pp. 18–22 (in Russ.).
6. Kalinin, O. I. (2024). Information warfare from the standpoint of the cognitive-discursive approach. In: *Information warfare in the context of a special military operation. Experience of linguistic analysis*. Moscow: FLINTA publ., pp. 57–61 (in Russ.).
7. Kibrik, A. A. (2003). *Discourse analysis in cognitive perspective* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
8. Wodak, R. (2006). Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. In: *Discourse Studies*, 8 (1), 179–190. DOI: 10.1177/1461445606059566.
9. Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and context. A sociocognitive approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
10. Budaev, E. V. (2011). *Comparative Political Metaphorology*. Nizhny Tagil: Russian State Vocational Pedagogical University publ. (in Russ.).
11. Kubryakova, E. S. (2000). On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics. In: *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects*. Moscow: INION RAS publ., pp. 5–13 (in Russ.).
12. Shevtsova, V. M. (2015). Discourse as an object of pragmatics studies. In: *Magic of INNO: new in the study of language and methods of its teaching: materials of the Second scientific and practical conference (Moscow, April 24–25, 2015)*. Moscow: MGIMO University publ., pp. 482–486 (in Russ.).
13. Iriskhanova, O. K. (2004). *Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
14. Kövecses, Z. (2018). Metaphor in media language and cognition: A perspective from conceptual metaphor theory. In: *Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow*, III (1), 124–141. DOI: 10.2478/lart-2018-0004.
15. Kalinin, O. I. (2023). Metaphor Power in the US-China Trade War Discourse. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21 (4), 70–84. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84 (in Russ.).
16. Fedulova, M. N. (2017). Categories of discourse and concept in the context of issues of perception, comprehension and interpretation. In: *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 14 (2), 50–56. DOI: 10.14529/ling170207 (in Russ.).
17. Alefirenko, N. F. (2009). *"The Living Word": Problems of Functional Lexicology*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.).
18. Vardzelashvili, Zh. A. (2005). Linguistic representation of cognitive models (nanoscale aspect). In: *Comparison as a method of language research and teaching: collected papers from the International Conference MAPRYAL (Tbilisi). Vol. I*. St. Petersburg: MAPRYAL (International Association of Teachers of Russian Language and Literature) publ., pp. 113–120 (in Russ.).
19. Demyankov, V. Z. (comp.) (1982). *Notebooks of new terms. No. 39: English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing. Iss. 2. Methods of text analysis*. Moscow: Vsesoyuznyy tsentr perevodov publ. (in Russ.).
20. Epifanova, T. V. (2024). On the Intertextuality of Modern Military Discourse. In: *Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, 4 (121), 17–23 (in Russ.).
21. Sanieva, A. Yu. & Sidorova, N. A. (2025). The research of the conflict military and political discourse implemented in the communicative space of different linguistic cultures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53 (in Russ.).
22. Krivov, S. V. (2024). Discourses of identity in the context of a special military operation: towards the formulation of the problem. In: *Mechanisms for strengthening the ethnocultural and civic identity of the multinational people of the Russian Federation: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Karachaevsk, September 12–13, 2024)*. Karachaevsk: Umar Aliev Karachai-Cherkess State University publ., pp. 81–87.
23. Durmaz, N. O. (2024). Linguistic personality of a professional sphere on the example of a military discourse. In: *Bulletin of Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense*, 5 (29), 57–62 (in Russ.).

24. Britov, I. V. (2022). Russia's special military operation in Ukraine: Vietnam's stance. In: *Russia and the contemporary world*, 4 (117), 65–79. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.04 (in Russ.).
25. Kalinin, O. I. (2024). The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Russia–Ukraine Conflict Representation. In: *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 24 (6), 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шермазанова Светлана Викторовна (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shermazanova Svetlana Victorovna (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Prof., Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian;

<https://orcid.org/0009-0002-4447-3793>; e-mail: Shermazanova@yandex.ru